

КОНТИНЕНТ

*Литературный, публицистический
и религиозный журнал*

Выходит 4 раза в год

102

1999, № 4
октябрь — декабрь

ПАРИЖ • МОСКВА

произведения. Авторством в цикле он наелся множество персонажей — здесь и многочисленные рассказчики и пересказчики услышанного, и покойный Белкин, и никого не понявший издатель А.П. И еще один А.П. — центр смысловой гравитации, идет в маске гробовщика. Вся структура напоминает орех, ядро которого один А.П., а скорлупа — другой.

Сложность структуры пьесы тонко почувствовал Уинн еще в двадцатые годы: «Эти маленькие незаветные истории обращены одной стороной, своей твердой коркой, к грустному, созерцанию жизни».³

Пушкин не предлагал окончательных ответов. Написав Гробовщика, отождествляемого от себя распылявшегося в прах скелета (который, кстати сказать, по мнению Дениса Бетса, очень напоминает старика Державина), он признает через неожиданно лежь умершей Ринич в стихотворении «Заклинание», погибшего Командора в «Каменном госте»... А по истечении трех месяцев болдинских трупов, в которые он завершил чуть не треть созданного им за всю жизнь, Пушкин перед отъездом посетил своего соседа и в его журнале написал следующие строки Державина:

Река времен в своем стремленье
Уносит все дела людей
И тонит в пропасти забвения
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лири и трубы,
То вечности жаром пожгрется
И общеп не уйдет судьбы.

³ Уин В.С. О повестях Белкина. Петербург, «Аквилон», 1924.

Сергей ДАВЫДОВ

ТАЙНЫ СЧАСТИЯ И ГРОБА: «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА» И «МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ»

«Домового ли хоронят,
Ведьму ли замуж выдают?»

В пушкиноведении давно укрепилась мысль, что «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии» родни ряд созвучных мотивов. В «Выстrelе» и «Моларте и Сальери» блестяще счастливцев привыкают человеку упорства и воли, который не может примириться с мыслью, что вечному любому счастью во всем везет — «жизнь и ревность к чужой удаче толкает Сильвию и Сальери на дьявольскую месть» (Бем), Сильвию шесть лет ждет сущая раздробка пистолет, Сальери живет 17 лет, чтобы употребить яд (Вальпур). Появление Сильвии во время медового месяца к графу и графине сопоставимо с приходом статуи Командора в момент первого посещения Дон Гуана и Лоны Анны. «И в «Выстrelе» и в «Каменном госте» при расплате присутствует любимая женщина» (Ахматова). Дерзкая пропелка Бурмина в «Метели» сропти побоевым козырем Дон Гуана. Тема «лювствия» проходит золотой нитью чуть ли не сквозь все «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии». Адриян Прокоров — вдовец, Вырин — вдовец, Муромский и Берестов — вдовы, Мария Гавриловна и Бурмин — по-своему «лювствуют», а в «Выстrelе» графине урожает участь Лоны Анны. В «Маленьких

трагедиях» Барон, Вальсингам и жена Монтар — вдовы, а Сальери — то ли вдов, то ли брошен своей Изорой. Приглашение Мергелов на пир и их ночное явление к гробовщику перенесено в «Каменном госте» в визит статуи Командора (Герценсон, Бем), а в «Пире во время чумы» — в приглашение чумы на пир.Православные мертвые, статуя и чума — званые гости!

Список подобных тематических перекличек и сюжетных рифм можно продолжить, пока не единственные. Но чтобы нашупать ту пуповину, через которую писались эти «болдинские близнецы», необходимо напомнить биографический фон и тот круг мыслей, которые занимали Пушкина в Болдине осенью 1830 года.

* * *

Оправившись в свое родовое имение, 31-летний Пушкин очутился на поворотном пункте жизненного пути. Поеzdка в Болдино была связана с помолвкой с Наташей. Пушкин должен был войти во владение деревни Кистеневка, полученной накануне женихомы в наследство от скучного отца, и, заложив согнутое душ, выручить деньги на находящуюся на пути от Амура к Гименею. В болдинских элегиях («Прощание», «Заклинание», «Для берегов открыты дальью») он прощается с холостым прошлым, с любимыми женщинами, живыми и умершими, и в завершение пишет «Каменного гостя». Пушкин, в чём долгожданском списке к этому времени насчитывается 34 имени, с трепетом и страхом предвкушает предстоящее счастье с 18-летней красавицей, le disait Rabelais du paradis ou de l'Éternité. Je suis l'âme du bonheur... s'est un grand print-être, comme n'importe. 1830). К тому же в эту бессмертную осень Пушкин окружает со всех сторон смерть: «Около меня колера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? — пишет он друг, — биографию. Бедный для Василий» (Плещеев, 9 сент.). Накануне отъезда Пушкина в деревню в Москве умер дядя поэта, Василий Львович (20 авр.), и Пушкину пришлоось взять на себя хлопоты и расходы по ляжинским похоронам. «Il faut avouer que jamais oncle n'est mort plus mal à propos. Voilà ton mariage retardé encore de 6 semaines.» (К Хитрово, 21 авр.). Из-за длинной смерти и новых долгов племяннику пришлось отложить дату свадьбы. Отправившись в Болдино, Пушкин решил сам написать такую биографию, в которой смерть то и дело упирается в любовь. В дальнейшую дорогу Пушкин захватил с собой английскую книжку «The Poetical Works of Millman, Bowles, Wilson, and Barry Cornwall: Complete in One Volume» (Paris, 1829), содержащую драму Джона Вильсона «Чумной азиатской холеры». Из-за карантинов, письма от Наталии, оставшейся в Москве, Пушкин увещевает невесту покинуть город и неблаговидное соседство пробовщика Адрияна: «Как Вам не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это хоропо для Вашего соседа Адрияна, у которого выполнены заказы Mais Наталия Ивановна, mais vous!» (4 нояб.). Пока настоящий Адриян получил в Москве несложные доходы, безденежный болдинский помешак проповедовал в церкви с амвона своим крестослывом, что холера была послана им Богом в наказание за то, что не платят оброк.

¹ Только у «Барышни-крестьянки» нет эквивалента среди «Маленьких трагедий». Это пугаю повесть можно рассматривать как счастливый эпилог ко всем «Повестям Белкина», в которых некая враждебная сила угрожала, но так и не смогла помешать счастью молодой пары, ничем особенно не заслужившей такого исхода.

² См. Шеголев П.Е. Пушкин и мужики. М., 1928. С. 91.

Итак, сватовство к Нагалье, добывание денег на приданое и нависшая угроза смерти подводят под болдинские произведения гризантинный реалистический фон. Разумим о «тайнах счастья и гроба» то и дело вспыхивают на поверхность. Вспомним стихотворение «Бессы», которым открывалась болдинская осень. «Домового ли хоронят, / Венчму ли замуж выдавать?», или «Элегию», написанную на следующий день: «Но не хочу о другом, умирать, / Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать? <...> / И может быть — на мой закат печальный / Блеснет любовь ушибленного эпиграфом. «Элегией» Пушкин пишет «Гробовщикам». Повесть открывается зловещим эпиграфом: «Не зрям ли каждый день гробов...» и описанием веселой вывески над лавкой гробовщика, изображающей «дородного Амура с опрокинутым факелом». Опять любовь и смерть рядом.

«Гробовщик» был написан первым из пяти «Повестей Белкина». Симметрично обрамленный остальными повестями, он занял центральное место в композиции пикника. На последней странице рукописи этой «заморыльной» повести мы читаем: «А вот то будет, что и нас не будет», которую Пушкин первоначально собирался поставить эпиграфом ко всем «Повестям покойного Белкина» (ПСС 8/2625). Рисунки на руко-писи «Гробовщика» тоже свидетельствуют о тесной связи повести с пушкинской биографией. На последней странице, под рисунком возницы похоронных дрог и всел за фразой: «А вот то будет, что и нас не будет», Пушкин набрасывает профиль невесты. Опять это прикосновение «любви» и «смерти», Эроса и Ганимеда, под знаком которых будут писаться остальные «Повести Белкина».

* * *

Сомневаясь в возможности счастья в реальной жизни («В вопросе счастья я алисист»), Пушкин как бы прикидывает такую возможность на бумаге. Это «способразное заклинание судьбы», — замечает А. Ахматова. В четырех из пяти «Повестей Белкина» любви «верных сердец» угрожает некая враждебная сила, препятствующая их счастью и суящая смерть. Но в конце эта сила обезврежена, и любовь торжествует. Все чреватые трагическим исходом ситуации «Повестей» разрешаются счастливыми развязками. В «Въстреле», «Метеях», «Станионии-смотрите» Пушкин соединяет любишие сердца (Графино с Графом, Марью Гавриловну с Бурмным, Дуню с Минским) в буквальном смысле «наль мотилий» угрожавшего их счастью героя (Сильвио, Владимира, Вырина). В последней повести, «Барышне-крестьянке», Пушкин ведет Владимира и Лизу под венец уже за спиной, где наль «мотилий» старинной родовой вражды будет строиться их счастье.

Инак, в четырех повестях Белкина, обрамляющих центральную повесть «Гробовщик», Пушкин показал себя и ложкой сажах и ужельм мозгильщиком. В не вписывающемся в эту схему «Гробовщик», где нет любовной интриги (если не считать несправедливое подозрение Адриана: «Не ходят ли побоиники к моим дурам?»), только притупленная вывеска, изображающая «дородного Амура с опрокинутым факелом» отражает, а быть может, и порождает тематическое единство остальных «Повестей Белкина», в которых Пушкин так успешно строит счастье двух сердец на мотыле третьего.⁴

³ Это мрачное изречение — афоризм святогорского игумена Ионы, наставлявшего Пушкина во время его ссылки в Михайловское. В Святогорском монастыре находилась семейная усыпальница Ганнибалов. Поэт похоронил здесь в 1836 году свою мать и тогда же купил рядом с ней место для себя, на котором был похоронен годом позже.

⁴ См. об этом в статье: D. Bethea and S. Duxbury. Pushkin's Satyrine Cupid: The Poetics of Parody in The Tales of Belkin. Publications of Modern Language Association 1 (1981), 8–21.

А. Ахматова справедливо заметила, что «Пушкин, наверно, не хуже нас знал, как кончалась любовь барчука к крепостной девке (Ольга Калашникова), знал, что Дуня, несомненно, должна была мести мостовую «столюю кабанкой» (полицейское наказание проституток) и что герине «Метеии», обвенчанной неверомо с кем, предстояло винить олимпические дни». В «игрушечных развязках» «Повести Белкина» Пушкин «словно подсказывает судьбе, как счасти его, поясняя, что нет безвыходных положений и пусть будет счастье, когда его не может быть, вот как у него самого, когда он задумал жениться на 17-летней красавице, которая его не любит и сдавли полюбить» (Ахматова). Здесь, в «Повестях Белкина», все кончается благополучно: любовь покидаeт смерть и дородный Амур красуется над лавкой гробовщика.

* * *

Закончив свой лебет в прозе (20 окт.), Пушкин чуть ли не на одном дыхании пишет «Маленькие трагедии» (23 окт.—6 нояб.), в которых он в новом жанровом ключе продолжает испытывать возможность и пределы человеческого счастья. Но «драматические опыты» призывают Пушкина к диаметрально противоположным результатам...

Герои «Маленьких трагедий» пытаются обрести счастье путем уловисторения некой заветной, Эросом влюблёненной страсти. Избранные ими предметы — золото, музыка, любовь, сама жизнь — поднимаются по восходящей линии, образуя определенное кривление. Примет страсти наделяется языком эпитетами. Поклоняясь по-хречески своим Куммарам, герои испытывают «некийсийными наслаждения» и устраивают пир. Через свое служение они мышь обретают земной рай и вечность — «бессмертье, удачно устроившееся. Но победа героев оказывается временной. На пути или на вершине блаженства, внезапное «гробовое виденье» омрачает их торжество. В глубоком подполье с вершинами воздвигнутого из золота хотла, Барон озирает свою державу. Но тут его настигает «Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть... эта вельма / От когтей меркнет месяц и молитвы / Смущаются и мертвых вьсялат». Барона терзает и другое, более конкретное «гробовое виденье», как бы подсматренное уже с той стороны жизни: сын крадет ключи у трупа отца. У Альберта свое «гробовое виденье»: «Цвет ююла вечер, а ниче умер / И вот его четыре старика / Несут на спорбленных плечах в мотилу». К Молдарту он возвращается в самые счастливые творческие и жизненные минуты: «Я весел... Вдруг: виденье гробовое, / Незапный мрак, иль что-нибудь такое...». Когда Молдарт играет на полу со своим мальчишкой, к нему подходит человек и заказывает Реквием: «Миг лень и ночь током не дает / Мой черный человек». Страсть Сапери то и дело напоминает о своей смертности. Он любви у него остается лишь «я», последний пар моей Изоры», а творческая страсть отдает Мертичиной: «Звуки гуартия, / Музику я разыл, как труту. Ерос Дон Гуана искажен патологией, близость трупа действует как возбудительное любовное средство. Роман с наиме покойной Инесой происходит на кладбище, где теперь броили ее призрак: «Странную приятность / Я находит в ее погребальном взоре и помертвевших губах». На этом же кладбище Дон Гуан уаживает за Доной Анной, а статуя Командора «кивает головой в знак согласия» стать на часах у дверей своей часовни. В «Пире во время чумы» «виденья гробовые» — самая повседневная и конкретная реальность. Тем не менее веселое гулья не на шутку омрачает проезжающую «телегу, наполненную мерганными телами».

«Гробовые виденья» в «Маленьких трагедиях» предвосхищают развязку, от которой нет счастья. В минуту блаженства виновники оторваны от предмета своей страсти, и земной рай, казавшийся таким достижимым, уходит навсегда. Смерть отлучает Барона от «верных сундуков», но и на счастье Альберта ложат пятно за причастность к «специфисму». Молдарт гибнет на вершине торческого и семейного счастья, а Сапери не может уснуть вследствие сомнениями о совместимости «гения и злодейства».

что рано смирило смерти; Командор, «вкусивший райское блаженство» в объятиях Дони Анны, либет на вершине супружеского счастья, а брат его убит на пороге любовной ночи с Лаурой; воздаётся равной мерой и Дон Гуну, он погибнет на пороге блаженства, с поползумом и именем Дони Анны на устах... Герои «Пира во время чумы» отведали с гайкой счастья и гроба, сполна. В неравном поединке с чумой гуляки уже потерпели попытку пролить, проявили смеху чуму то, что осталось от счастья.

В сиянии с чумкой стихий они испытывают «неизысканные наслаждения» и надеются обрести «золото бессмертия». Но пиршущим угрожает не только потеря землой, но, быть может, и вечной жизни. О ее реальном существовании Вальсингам напоминает последнее, уже не «пробовоое», а «готогустороннее» явление умершей жены Матильда, чье «имя не умело навек в гробу», познала рай не только на земле в обятиях мужа, но и «там»: «Где я? святое чадо света! — обращается к ней потрясенный Вальсингам, — вижу / Тебя я там, куда мой падший лук / Не достигнет уже...». Пушкин назвал жену Вальсингама именем проводницы Данте из Чистилища в Рай. В «Божественной Комедии» Матильда ведет поэта к реке Эвное, волы которой ей «ларуют память всех блажих свершений», после чего она ведет его в Рай. В «Пире во время чумы» райское видение Матильды посреди «бездожного пира» повергает отступника сопротивленником которой мы можем только догадываться.

В сценическом времени и пространстве все «Маленькие трагедии» заканчиваются «Пиром» — видение Матильды посреди «бездожного пира» повергает отступника сопротивленником которой мы можем только догадываться. В «Маленьких трагедиях» заканчиваются «Пиром» — видение Матильды посреди «бездожного пира» повергает отступника сопротивленником которой мы можем только догадываться. В «Маленьких трагедиях» заканчиваются «Пиром» — видение Матильды посреди «бездожного пира» повергает отступника сопротивленником которой мы можем только догадываться.

* * *

Но почему же герои «Маленьких трагедий» столь дорого поплатились за попытку счастья, которое так легко доставалось баловням судьбы в «Повестях Белкина»? Проще всего это можно объяснить разностью жанра и, следовательно, разным отношением героев к судьбе.

В «Быстром» граф стоит и подает черепахи под дулом пистолета. В его позе не одно лишь пренебрежение к жизни, но и полная отдача себя в руки судьбы, которая и направляет его за такое доверие. В отличие от этого блистательного счастливца, волевой и неустранимый Сильвио ничего не предоставляет слухачу. Полубоялся Германну в «Никовой пакете», Сильвио — не игрок: он хочет выиграть, на венце же счастья, чтобы запечатать честь, чтобы запечатать свою власть, иллюстрируя обиду, а, не рискуя, он готов заплатить изысканной мести, чем великоду-голами избегает дуэлей, в его мыслью былие наставления оставлены на непод-чию, — он знает, что счастье молодоженов будет наивысшим пытко за согласие на непод-чию о поединке, и на чести графа останется неизъятимо пытко — пресловутое жизненному ему по Луэльному колесу выстрел. Да и байронический жест — пресловутое сражение за освобождение греков под Скульянами — не искушает Сильвио идет не с отрядом 800 гетеристов против 15 000 регулярной турецкой армии, Сильвио идет не только на самоубийство, но и обрекает на верную смерть 800 человек, чья судьба находилась в его руках. Вот почему выстрел, этот инструмент в катализм, не искушает Сильвио.

В «Метели» Мария Гавриловна отдает себя на произвол судьбы, и та проводит ее руке судьбы, шантажирует гравера и соединяет с «суженным», но сколько бы ее жених сквозь метель, доставляет в лескову, га же жестель сбивае его с пути и уводит от первых, ведь Владимира ни упростившая, га же жестель сбивае его с пути и уводит от первых, тула гусара Бурмина, вверившегося стихии. На ликый поступок обвиняется с чужой

невестой толкает Бурмина ролстенная метели сила — «лепетняная, непростительная ветреность», упорствующий же пропорщик Владимира, имени своему волчеки, не «согласил с миром», и победителем выходит полковник Бурмин, чье имя звучно стихии. Судьбоносная метели проносит его сквозь бурю, катаклизмы 1812 года и соединяет с Марлей «на могиле». Души не менее легкомысленно откликались на призыв судьбы, сев в коиньку с проезжим гусаром, за что судьба ее и направила. Ветреный гусар оказался любящим и первым отцом семейства, а «булдаки дочь» не «мечет уши с голыми каблуками», а разбрасывает в «карете в шесть лопатей, с Тремя маленьками барятами, с корытницей, и с чертой москвой». Но почему же судьба так жестоко расправилась со стариком-отцом? Да отел-то мало похож на «доброго пастыря»: он скорее готов «пожелать своей дочери молитву», чем поверить в ее счастье с гусаром. Пушкин, чекко рассуждавший в Бодлине на эту тему, не простили Вырина: «Nous sympathisons avec les malheureux rats que espèce d'espèce: nous voyons que, dans le fond, nous ne sommes pas les seuls. Sympathiser avec le bonheur suppose une âme bien noble et bien désintéressée» (Осиповой, 57 нояб.). (Мы сочувствуем несчастным из своеобразного эгоизма: мы видим, что, в сущности, не мы одни несчастны. Сочувствовать счастью может только весела благородная и бескорыстная душа.)

За отсутствие «благородной и бескорыстной души», за его ослушание, за эксплуатацию малютней дочери, за упорство против судьбы, за желание ей смерти отец судово наказан: он становится и умирает. В последней пьесе, в «Барышне-Крестынике», для копилки, правила, не покалобили же жертвы. Трагический исход, к которому должна была привести семейная вражда (может Ромео и Джульетты), здесь только намечается. Счастливый же случай с «гулькой кудой бобоюкой» примирял отцов, и Алексей с Лизой строят свое счастье уже над могилой «глубокой, старинной семейной вражды».

Для тех, кто спешно повиновалась луноведе судьбы, каким бы ветреным оно никазалось, судьба сама устраивала счастье на могиле третьего. В «Повестях Белкина» Эрос неизменно торжествует над Ганиматом. Но счастье героям все-таки досталось не даром. На пути к нему баловни судьбы прикоснулись к «тайне гроба» (эквивалент «видения гробового» в «Маленьких трагедиях»), хотя самой тайны так и не отвели.

Из всех баловней судьбы, кажется, один Адриян сполна погрузился в «тайны гробов». Но для гробовщика гроб — не гайка, а изделие, за которое можно «запросить преувеличенную цену», и смерть ближнего — профессиональное везение. Хотя даже сурогового гробовщика настигает смертельный ужас в счастливую минуту, когда он после 18 лет труда и обманов поселяется в новом доме, купленном за «торжественную сумму» в лучшем районе Москвы. Во время новоселения с православными мертвцами гробовщик лишился чувств в «костяных объятиях» отставного сержанта гвардии Курикова, первого своего клиента, которого Адриян когда-то науду, проявив «сосновый гроб за дубовый»...

Пародийный пьеса «Повестей Белкина» завершается пятью счастливцами, «игрушечными» (Алматова) развязками: судьба-фортуна, минута молитвы, ведет своих любимцев к конечному счастью. Драматический же пьесы «Маленьких трагедий» завершается четырьмя катастрофами. Объясним это можно опять-таки отношением героев к судьбе. Полобно упорствующим против судьбы неудачникам «Повестей», героя «Трагедий» счищают себя привычными «стремительно несущими беспомощность», допущенную прорицанием. Альберт рожает на уничтожительную беспомощность, а Барон на то, что наследник его расточит отцовские сокровища: Сальери не соглашает, что «священный дар, бессмертный гений» исполосан небом не в награду за самоотверженный труд, но «озаряет голову праздного гуляки», в «Каменном госте» и «Пире во время чумы» человек избушит против смерти и неба — за эту метафизическую неганантность смерть напоминает о себе каменным рукопожатием и дуновением чумы.

Взвив «правду» в свои руки, герой грешат не только против проявления, но преступают и осязаемые веками устои человеческой жизни. Из лести заповедей грехов⁵. Чем воззванный предает страсти, тем тяжелее грех берут героя на свою душу в поисках преступных наслаждений. В иерархии «Маленьких трагедий» настолько ценностью (после золота, искусства и любви) является жизнь. Преступления приводят к образу крещендо. Желание смерти («Скупой рыцарь»), преступленное убийство («Монарт и Сальери»), многократное убийство («Каменный гость»), массовая смерть и убийство души («Пир во время чумы»). Тихомос торжествует над Эросом.

И так, болдинские рассуждения о «тайнах счастья и гроба» породили две фантастические — счастливую в прозе, Трагическую в стихах. Судьба Фортуны, так щадро награждающая своих баловней в «Повестях Белкина», обернулась в «Маленьких трагедиях» судьбой-роком (Бем), супово карающим стяжателей «неназываемых из-за слаждений».

* * *

В размышлениях о «тайнах счастья и гроба» я бы выделил «Гробовщика» и «Пир во время чумы» как тексты наиболее непосредственно связанные с жизненной обстановкой Пушкина в Болдине: на пороге женитьбы, без денег, исполнен небывалым влюблением, окруженный со всех сторон холерой. В «Гробовщике» ход беспечной жизни прерывается приходом Мертвого на новоселье, в «Пире во время чумы» — вторжением смерти на пир. Но в «Гробовщике» «вильне гробовое» — сон, в «Пире во время чумы» — сущая реальность. Если подобрать один образ, выражавший эту разницу, я бы предложил повесить над пикником «Повестей покойного Белкина» вывеску «дородного Амура с опрокинутым факелом», а эмблемой единства «Маленьких трагедий» я бы выбрал «телегу, наполненную мертвыми телами»: эта черная телега Имеет право везти разъезжать — Мы пропускать ее ложными». Обе эмблемы как нельзя лучше отражают разные исколы коллизии между Эросом и Танатосом, и подчеркивают искусственную роль самого Пушкина как «свахи» и «гробовщика».

Щепрой рукой Александр Пушкин поларил гробовых леп мастеру Адриану Прокорову свою иннициалы. (В черновиках совпадают даже инициалы их отчеств: Семенович — Сергеевич.) Показатель и год 1799: Прокоров начинает свою профессию в год рождения Пушкина. Гробовщика и погибла родная и общая Московская типография (Басманная, Никитская). Когда-то веселый Пушкин разделял с Мрановым Прокоровым даже профессию: все арзамасцы, как известно, были «гробоколапами» и в их обязанности входило спевать и хоронить «трупы» членов «Беседы любителей русского слова».⁶ В «Пире во время чумы» есть тоже свой любопытный autobiographicalский штрик.

гробовщик, управляющий телегой с трупами, — нет. (В русском контексте — не намек ли на африканское происхождение поэта?)

Но по своему творческому темпераменту Пушкин, конечно, ближе всего к Вильямсу. «Гимн чумы» Председателя — не перевод с английского, а стихи самого Пушкина. «The Song in the Plague» из «Чумного города» Вильсона (акт 1, сц. 4) — это единственный текст, который Пушкин не использовал в «Пире во время чумы», а содержит он следующие любопытные строки:

The miser sickens at his hoard,
And the gold leaps to its nightful lord.
O'er the grave where her old doffed sleeps,
While love shines through her moisten'd eye
On yon tall striping gliding by.

(Скупой чахнет над своей громадой, А знато уходит к законному наследнику. Не сквозь слезы На стройного проезжающего молота.)

Чтая по дороге в Болдино эти строки, Пушкин не мог не вспомнить о прокте, заумянном еще в 1826—1828 гг., от которого сохранился список заглавий, включая «Скупой, Монарт и Сальери, Дон Жуан»?⁷ Закончив свой лебет в прозе, Пушкин пишет драматический цикл в стихах. Болдинские раздумья о счастье и холере, любви и смерти, судьбе-Фортуне и судьбе-роке, о «тайнах счастья и гроба» и «леве-розе с дыханием чумы» — это тот круг мыслей, та живопись плащанта, которая пытала в эту бессмертную осень-столб неподождя друг на друга болдинских «близнецовых».

⁷ Пушкин А.С. Драматические произведения. Т. 7, ред. Л. Якубович. АН, 1935. С. 376.

ПУШКИН И «ОПОЯЗ» (Место Пушкина в истории русской литературы)

Виктор ЭРАЛИХ

В резко попемистской статье «Минимал Пушкин», впервые опубликованной в 1972 году в томе «Поэтика. История литературы. Кино», Юрий Тынянов подверг суровой критике нацистскую формулу Аполлона Григорьева: «Пушкин — это наше все». «Как ни высока личность Пушкина, — писал Тынянов в 1922 году, — ее все же не зачем считать исключительной. Незачем смотреть на всю предшествующую литературу как последнюю, как продолжающую его или борющуюся с ним. Этот наивный телесоюз ведет к полному смешения исторического зреня: вся литература под знаком Пушкина становится бессмыслицей, а сам он остается непонятным чудом. Историко-литературное изучение, вполне склоняясь с личностью явлений, должно прорвать с фетишом»¹. Вскоре Борис Томашевский будет воротить Тынянову: «Надо забыть обычный мессианизм Пушкина с типичным различием русской литературы на великовознесеную до Пушкина и новозаветную после Пушкина.. Пора взыскать Пушкина в исторический ряд и изучать его так же, как и всяко рядового деятеля литературы».

¹ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История. Литература. Кино. М., 1977. С. 78.

² Томашевский Б. Пушкин. М., 1925. С. 74.